

Правда железной дороги

Юлия Сиromолот

ФАНТАСТИКА

«Сказали мне, что эта дорога ведет к океану смерти, и я с полпути повернул обратно. С тех пор все тянутся передо мной глухие кривые окольные тропы. Потому купил дорогу. Так что приезжай. ПЧ»

— С ума сойти, — сказал я, — телеграмма.

Тетя Салли величественно кивнула и дважды клацнула челноком. Вахты в кондоминиуме скучные, чинные — вот она и вяжет полотно на древней машинке. Сейчас у нее пять мотков в корзинке, и цвета самые что ни на есть кричащие. Потом из всего этого получится трико, в котором тетя Салли в выходные дни делает зарядку на террасе, или новое платье в обтяжку с перьями, или плащ с дыркой для головы, который она отдаст для рождественской лотереи. Но леший с ним, с ее вязаньем... все-таки телеграмма!

— Так вот, миленький, — она оторвала ярко-синюю нить, привязала оранжевую, — прямо курьер прикатил, весь в коже, на роликах. Упаси Господь, плохие новости?

— Странные, — отвечал я. — Странные, тетя Салли. И вообще.

И вообще. ПЧ... И текст этот — цитата... Подъемник не спеша возносил меня над цветами, зеленью, опять над цветами, над пестрыми шахматными клетками кафе, над дрожью фонтана. ПЧ... К океану смерти... Я знал и книгу, и даже помнил, что там это — тоже из какой-то японской поэтессы... Но в целом не складывалось: океан смерти... кривые тропы, купил дорогу, приезжай, ПЧ. Как — и зачем — можно купить дорогу? Куда приезжай? Какой такой ПЧ — постоянный читатель, что ли? Да их у меня тысячи. Но главное — это очень богатый ПЧ, потому что телеграмма в наш век мгновенных сообщений — удовольствие дорогое. То есть, будь это эсэмэшка, я бы ее, не задумываясь, стер, а телеграмму выкинуть — рука не поднимается: такая длинная стоит немало, как мой недельный заработок, пожалуй. И наобум ее не пошлют, развлекаясь от скуки. Это, понимаете, какой-то весьма необычный ПЧ. Или он откуда-то очень-очень издалека, я даже не знаю из какого медвежьего, росомашьего глухого угла... Но все равно не складывается...

С телеграммой в руках я вошел в гостиную, бросил ее на ковер, рассветлил окно.

Кому как, а мне никогда не надоедает на это смотреть — на багровые и бело-голубые столбы света, улицы, выложенные огненными точками, как первобытные татуировки, все это движется, колыхается, а некоторые огни недвижимы — и все их знаешь по именам... В детстве я жил возле аэропорта — и одно воспоминание потащило за собой другое, третье...

ПЧ — это, наверное, Питер Черемис, Петька, но вообще-то Питер, потому что папа у него был с Островов. После высшей школы я о нем и не слыхал ничего — он в технари подался, электроника, физика-шмизика, а я-то что? — я обыкновенный гуманитарий, потребитель чудес... но дело тут было даже не в ночном городе, похожем на аэропорт из детства... Питер, как и я, знал ту книгу, которую цитировал некий ПЧ в телеграмме. Питер мог, конечно, написать «приезжай».

И еще была дорога.

Глядя в окно на живую карту, я вспомнил: Мама Питера, тетя Аня, училась в Академии путей сообщения, и как-то ей надо было сдавать экзамен — ехать в соседний город. А дело было летом, мы с Петькой все равно болтались без дела, и она нас взяла с собой. В огромном здании я растерялся, да и Петька что-то стал поднывать, и она, торопясь уже, впихнула нас за какую-то дверь и крикнула незнакомым людям, чтобы они за нами присмотрели. Незнакомые люди (двое дяденек и тетенька в голубых халатах) не очень-то за нами присматривали: сказали, чтобы мы походили по техзалу, только ничего руками не трогать и пальцы никуда не совать.

Техзал был огромный, казалось, что его дальний конец затянут туманом. А нам с Питером и ближнего пространства хватило, потому что там был настоящий — с полосами и диспетчерской, с аэровокзалом и даже с лайнерами — аэропорт. И морской порт там был в другом углу — по-моему, даже была вода налита в специальную ванну. А посреди зала на длинном столе красовалась модель железной дороги. Еще той, по которой обычные электропоезда и тепловозы ездили. Мне она не понравилась — слишком запутанно, аэропорт был понятней и проще... А Петька, помню, к ней прямо прилип и, конечно, нажал там самую большую кнопку, и модель ожила. В общем, к тому времени, как прибежали дяди и тетя из дальнего угла, Питер успел провести какой-то грузовой состав через пару тоннелей и мостов, устроить ему крушение и соединить пассажирские вагоны с товарняком на сортировочной. Он тогда был счастлив, несмотря на взбучку, и долго меня изводил рассказами о том, как поезд — вжжж! и бум! а потом тут чпок-чпок-чпок — и ого! — как будто я сам этого не видел.

Итак, если ПЧ — это старый друг детства... то железную дорогу он, конечно, мог купить и внукам: небось уже большой дядя, если не закоренелый холостяк, как я. А я? Я сам себе: было время — покупал новейшие детские конструкторы с позитроникой, собирал и счастлив был, а ведь возраст не детский...

Но, черт возьми, почему тогда «приезжай»? Столько лет ни слуху ни духу, а тут вдруг купил какой-то конструктор и тратит бешеные деньги, чтобы послать мне телеграмму?

Я решил поискать в Сети. Думал, что поиск будет обилён результатами, но отыскались лишь черемисы как народ и несколько разных Черемисов, а Питер К. Черемис только пару раз скупно упоминался как лицо, подписавшее какой-то договор о перспективах освоения верхнемантийных слоев. Название компании, которую представлял этот господин, состояло из одних прописных букв. На фирменном сайте интерактивная девушка-бот приятным голосом поведала, что Питер Кольм Черемис входил в Совет директоров с такого-то по сякой годы, два года назад вышел в отставку

и никакими данными о нем компания в данный момент не располагает. Среди десяти миллиардов людей запросто мог бы найтись и еще один Питер Кольм Черемис, так что это мог быть и не он... Тогда я сдался и лег спать.

На пограничье между сном и бдением открылся мне смысл телеграммы: к океану же смерти... купил дорогу... приезжай.

Я открыл глаза и поглядел на листок с бумажными словами. Уже было утро — прекрасный ослепительный свет, много света, поэтому тем страннее было думать о том, что... И вообще — какой такой океан смерти в наши-то годы? Рано еще. С другой стороны — мало ли что... И ласковая дева-бот, такая уклончивая, гладенькая — с чего бы это ей напрямик не сказать, если что? Черт, если мой собственный океан смерти подступил бы вот сейчас под ноги — кого бы я стал разыскивать? Отца с матерью — ну, даже и не знаю, с одной стороны, это бодрые люди зрелых лет, они посещают учебные заведения для «третьего возраста», танцуют танго и уезжают разводить красивых и полезных рыб на Рифах, с другой... Ага, и с третьей стороны... Подруг? Коллег? Чего их разыскивать, вот они, под рукой.

Я не знал этого о себе: стал бы я разыскивать именно Петьку Черемиса, которого не видел добрых двадцать лет? Да больше, больше, чем двадцать... Но он-то меня разыскал. Дороги... деньги... океан. Океан смерти.

Надо ехать. Но сначала понять — куда.

Все оказалось гораздо проще, чем я думал: в офисе почты я миновал зал автоматических операций и прошел в тот отдел, где за дубовым прилавком безупречная викторианская девушка в платье из шотландки запечатывала сургучом (о Боже мой, я еще смутно помнил это липучее варево на почтах моего детства), да, липким охряным сургучом пятнала толстые пакеты из зеленовато-желтой бумаги. У нее были печать, и марки в специальной кассе, и толстые справочники. Она посмотрела на телеграмму, полистала книги и ровным почерком выписала мне адрес отправителя.

ПЧ, Петька Черемис, если только это он, забрался далеко. Очень далеко. И отсюда, и от краев, в которых мы пацанами лазили по рукотворным горам и швырялись вниз красной теплой породой. Туда, где Петька теперь, даже самолетом лететь долго.

Но теперь не нужно было лететь самолетом. Я поставил метку «недоступен» во всех своих рабочих календарях на ближайшие три дня, собрался по-походному и спустился в холл, миновал пост тети Салли (нынче там, правда, сидела не она, а господин Мин, строгий и уравновешенный — воплощенная нефритовая скала), а оттуда еще ниже, глубоко в подземелья Дома, где не так давно установили телепорт. На двери кабины матово светилась монограмма компании — той самой, с названием из одних заглавных букв. Вот так, значит? Вроде привет... я толкнул дверь, вошел, зажмурился, вдохнул озон и лед — и вышел.

По ту сторону прыжка оказалась облицованное белым кафелем подвальное помещение. Большие стиральные машины вытарасили на меня свои центрифужки глаза. Из-за особенностей процесса телепорт стараются заглушить понадежнее, это я знал из популярного техминимума, а тут, поди же, глубже прачечной ничего не нашлось. Да и прачечная какая-то... нежилая. Инвентарные номера везде понаписаны. Больница, наверное, — и недобрые мысли снова завозились в душе. Пахло, правда, не больницей, а перегретым паром и нефтью.

Я быстро поднялся наверх, прошел по коридорчику, выкрашенному блеклой зеленой краской, и оказался в вестибюле — не больничном, это точно.

Телепорт стоял на бывшей железнодорожной станции. «Ванино, ДВЖД» — гласила надпись над древним наборным расписанием поездов.

И ведь не сообразил, что скакать далеко на восток через две части света — потерять день. Часы показывали половину десятого вечера, в вестибюле никого, и в билетных кассах, понятное дело, — тоже.

Снаружи был влажный летний вечер. Непривычно широкий, дикий горизонт — сопки, сопки... Ветер. Багровое небо со всех сторон — на западе от позднего заката, а на востоке какие-то явно промышленные огни отражались в низких облаках.

Я оглянулся. В станционном здании светилось окно на втором этаже. За палисадником был перрон, и огни над путями горели. Хм, а станция-то, похоже, не бывшая... Глушь тут и раньше была, и теперь глушь. Хотя и с телепортом... Между тем надо было что-то делать, как-то в этом месте определяться и выяснять, где именно искать отправителя моей телеграммы. Я подумал и побрел вдоль путей на восток. Темнело очень быстро, и к тому же спустился и стал на глазах густеть туман.

Через несколько минут я уже различал только общее направление на светящееся пятно, подумал — не повернуть ли назад, поскольку тормоза ботинками. Меня вынесло на бетонную площадку. С двух сторон в тумане я различил какие-то темные коробки. Влага полосами проплывала между ними, показывая то фонарь, кажется, над дверью, то смутное световое пятно на его месте. Воздух был полон мороси и неясных звуков. Кто-то бубнил и бормотал металлическим голосом, слышались кряхтенье и уханье.

— Вы не стойте там, это, — сказал он. — И вообще не стойте. Нечего тут стоять... и ходить вообще-то тоже. Вы кто? Я назвался. Железнодорожник хмыкнул:

— Ну ладно, а в производственной зоне что делаете?

Я разозлился и ехидно спросил, кто такой мой настырный собеседник и не из полиции ли он.

— Я-то понятно кто, бригадир. Моя обязанность — тут находиться, на смене, а вот зачем вы без спецодежды да без сопровождающего по производственной территории гуляете на ночь глядя — этого я никак не понимаю.

Рабочие прокатили мимо нас выловленную пару. Бригадир посмотрел на часы и назидательно сказал:

— На станцию идите, а оттуда — в город. Не надо тут ходить. Еще хорошо, что Кольмыч не видит...

— Стойте! — закричал я в спину этому положительному и основательному человеку. — Как вы сказали? Кто не видит?

— Начальник наш, Петр Кольмыч Черемис, — важно ответил бригадир, почти не замедляя шага, но это было не важно, потому что я за ним бежал и догнал уже в цеху.

Остановить бригадира было непросто — он шел вслед за рабочими, как будто его влек некий гироскоп, и на мои смятенные выкрики только поднял руку и показал наверх:

— Вон там, вон, диспетчерская, и это... каску наденьте, голову откусит...

Да уж, можно подумать! Материализовать каски из воздуха я не умел, поэтому просто влез по железной лесенке в диспетчерскую, устроенную высоко на боковой стене, и там увидел наконец Петьку.

Вышла для нас обоих полная неожиданность. Были тут и тыканья кулаками в грудь, и суровые мужские объ-

ятия, и я был удивлен тем, что это все же Петька и что он, вместо того чтобы тщательно прощаться с жизнью, руководит по ночам бригадой слесарей. А Петька был страшно рад, особенно тому, что меня так ловко принесло — к месту и, видимо, ко времени, и все повторял: «Вот как ты успел, сейчас мы тебе покажем...» Он был очень живой, друг детства, и о своей дурацкой догадке я предпочел умолчать.

— Вот, Сергеев, — сказал Питер молодому человеку в рыжем комбинезоне, тихо сидевшему в углу все время, пока мы исполняли приветственные ритуалы, — я же говорил, что он приедет.

— Уши всем прожужжали! — подтвердил Сергеев, поднимаясь. — Я, значит, пойду и посмотрю, как там чего. Я тогда свистну вам, Петр Кольмыч.

— Добре, — проговорил Петька, и это слово было такое знакомое, из детских времен и из детских краев, никто давно при мне так не говорил. — Иди, мы следом будем.

— Но как это все? — пробормотал я, глядя вниз на ремонтные мастерские. — Ты начальник депо, что ли? А как же телеграмма? Продад электровозы на металлолом? Штук сто? Черемис заржал.

— Сто! Боже мой, Сашка, на металлолом! Не-е-ет, я начальник, только не депо, а всей этой дороги и еще кое-чего того-сего. Я ж тебе писал: купил дорогу.

— Я так и понял. Только все равно понял все не так и вообще ничего не понял. Я думал, ты недрами занимаешься, физикой и вообще, что ты должностное лицо... Рассказал бы.

— И недрами, — отвечал он, — и физикой, и должностным лицом побывал. Ты вот чем сюда явился?

— Телепортом.

— То-то же. А что это чуть не первый серийный телепорт — знаешь? Кто же тебе такую машину станет испытывать в больших городах? Вот и отправили куда подальше. Я тогда проектом руководил. По этой дороге грузы пришлось возить. Все на свете проклял: ветка заброшенная еще с тех времен, того нет, этого нет, тока нет, подвижного состава почти нет, один развал и никакого схождения. Но все-таки построил я этот «объект V», и стало ясно, что он работает... ну я и ушел из технических директоров. Дорогу выкупил, теперь вот занимаюсь. Она у меня... как куколка теперь. Пойдем, я покажу.

— А этот...

— Сергеев? Так он же по радиации свистнет... О, уже и свистит. Да? Слушаю тебя.

«Спускайтесь, Петр Кольмыч», — сказала рация. Питер открыл дверь — не вниз, а на верхнюю лесенку, на галерею, которая шла по периметру здания.

— Сюда иди.

Мы прошли по галерее к торцу корпуса, и там он отпер еще одну дверь — наружу, на маленький балкончик.

— Вот, — сказал Питер. — Это моя дорога.

И я увидел, как в детстве тогда — немного сверху, — залитые туманным светом рельсы, красные и синие огни, четкие линии путей и проводов. Услышал, как где-то неподалеку жестко прозвенел металл по металлу. Неразборчивый голос диспетчера, словно по ступеням, спустился с небес по громкой связи: «...Пути... движется локомотив... осторожно...». Я видел грузовые составы, сбоку огненной змейкой вдруг пролилась новенькая электричка и исчезла в тумане.

Я посмотрел на Петьку: у него было мечтательное влюбленное лицо. Конечно, он пришел сюда с совсем другим делом, с фантастическим проектом — телепортацией, а

ФАНТАСТИКА

увидел это... Нет, не это, он застал, конечно, другую дорогу — уснувшую давно и без надежды. А теперь...

— Так что в телеграмме я, конечно, малость того, — заметил друг детства. — Цитата уж больно памятная, правда, тут все наоборот: никакой пока смерти, зато есть океан, и тропы ни разу не кривые — смотри, как ровно бегут.

Снизу вдруг раздались адское шипение и скрежет. Поднялось густое облако пара. Я глазам своим не поверил: из других ворот депо прямо под нами выкатился и встал, окутываясь белым, паровоз.

Он даже сверху был огромный. Он стравливал пар откуда-то снизу, как космический корабль в фантастическом боевике. Рельсы под ним тихонечко гудели.

— Петька, — сказал я, еле переведа дух, — ну это ты уже совсем... Паровоз-то... тебе зачем?

— Давай, давай! — Он легонько подтолкнул меня на галерею. — Паровоз — это самый смак. Это настоящая скорость!

Я рассмеялся. Он тоже.

— Нет, Сашка. Ты сам подумай: на машинах почти никто уже не ездит. Самолет? Ну, летишь почти в стратосфере — сверху синее, снизу белое, на иллюминаторе лед. Поезд — ты попробуй, высунь хотя бы палец на скорости в четырехста километров в час... Телепорт? Ты сам видишь, это так: скачок, хоп — и тебя нет, хоп — и ты черт-те где. Это удобно. Но это не то, что можно... почувствовать, понял?

Мы уже спускались по лесенке вниз, и я не очень понимал, или понимал, но не успевал еще отложить в мыслях, а паровоз уже был здесь — здоровенный, черный, лоснящийся. Машинист отворил дверцу. Питер первым влез по лесенке, протянул мне руку.

— Давай, брат, залезай! Проедемся к океану.

Парень в кабине потянул за рычаг, и паровоз громко, ликующе закричал. Он хотел ехать. Он был готов. Он был полон почти позабытой силы, а мне нужно было только подняться на три ступеньки.

— Ну, что же, — сказал я, — к океану — так к океану.

